

66 *Смена. - с. 175. - 1996. - 10 февр. - с. 7.*

Пляшут вверх ногами, вяжут всем носки...

ВЛАДИМИР Буркин - известный художник-график, дебютировавший как карикатурист в конце 70-х - начале 80-х годов в газете "Московский комсомолец". В его изобразительной манере есть что-то, роднящее его с Леонидом Тишковым и Александром Джикия. Это прежде всего любовь к абсурду и гротеску. А зрителями такое рисование воспринимается как "страшная жуть". То, что фиксирует художник пером и тушью, увя, не зарисовки с натуры, а "червивый плод" его фантазии. Гойя назвал это сном разума, который рождает чудовищ...

КАРИКАТУРИСТУ, даже самому выдающемуся, порой хочется выйти за пределы своего жанра и стать, допустим, пророком. В рисунках, даже самых философских, это сделать трудно. Пророческий дар, подобно дару поэтическому, нуждается в словесном обрамлении. Вот и решил Владимир Буркин попробовать себя в поэзии. Чтобы не повторять уже пройденного, придумал он новый жанр "слова в рисунках". Если критики начнут придираться к его поэзии, то от их суждений легко отмахнуться, сказав, что это не поэзия, а графика. Если то же самое начнут говорить искусствоведы, то опять-таки Владимир Буркин может смело заявить, что его рисунки - это всего лишь тексты.

Где-то на границе вполне читаемых слов и трудноразличимых образов обнаружил Владимир Буркин огромный и неисследованный пласт искусства, который он назвал коротким и емким словом "ЖИЖА". Именно под таким названием и вышел альбом его "слов в рисунках" в издательстве "Куншт" тиражом всего в одну тысячу экземпляров.

пьяров.

Какие тексты можно обнаружить в болотистой "Жиже"? Конечно же, тягучие и засасывающие:

"Сунул голову в банку. В ней огурцы. Нет помидоров. Ищу полчаса. Зеленая сволочь. Свела всех с ума".

Казалось бы, ничего осо-

бенного нет в этом "полустихотворении". Но Буркин ведь текстом не ограничивается. Он рисует еще и героя, надевшего на голову банку с огурцами таким образом, что "зеленая сволочь" начинает плавать перед глазами, превращая повседневное существование... в бред белой горячки.

Почему-то в "Жиже" очень много бреда. Может быть, действительно, бред (в широком смысле) защищает нас от ужасов реальности? Скажем так: сходить с ума опасно, рискованно. Можно не вернуться обратно. А выдать "порцию бреда" (вечером или ночью) и к утру протрезветь - очень даже полезно для здоровья.

Сочиняя тексты от себя, от своего имени, Владимир Буркин нет-нет да и дает высказаться тем людям, которые в обычных ситуациях не имеют доступа к печатному слову. Часто ли у нас "маргиналы" пишут стихи и рисуют картинки? У Буркина в альбоме "Жижа" они делают это с большим удовольствием и, главное, соизваяя свою собственную значимость.

Я не хочу сказать, что Владимир Буркин уверенно владеет словом. Ему, как и капитану Лебядкину, это не обязательно уметь делать. Потому что шизики, дебилы, бомжи и люмпены, получившие право голоса в "Жиже" - тоже не умеют этого делать.

Поэзия не перестает быть поэзией, даже если она находится в окружении "Жижки" или, как говорили в XIX веке, - свинцовых мерзостей жизни. Наоборот на фоне грязи поэзия даже заметнее и трогательнее:

"Вобла под пиво. Вот это диво. Съешь караса А потом пороса. Желудок набьешь. И спи. До следующей зари"...

До зари и до следующего тысячелетия "спят" герои Владимира Буркина Спят, потому что вокруг "клекот, щекот, плач, зубы, полки, волки... Лошади скачут, и волки поют"...

Книга "Жижа" понятна всем, но рассчитана она на очень специфический круг читателей, ценящих и понимающих тонкий юмор и гротескное преувеличение. Любящих природу и все то, что с ней связано. То есть жизнь...

Михаил КУЗЬМИН